

Научная статья

Research article

УДК 140.8

[https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.128–137](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.128-137)

Проблематика памяти в философской традиции Античности

Бабаева А.В., Макарова А.О., Шмелева Н.В.

*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минаина (Мининский университет),
603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме актуализации феномена памяти в традиции Античной мысли. Несмотря на неподдельный интерес к политикам и техникам памяти, воспоминания и забвения в конце XX столетия, античная традиция трактовки понятия «память» редко становится самостоятельным предметом детального рассмотрения исследователей. Современные авторы из различных областей знания часто упоминают Аристотеля как зачинателя концепции памяти, но подобные отсылки скорее являют собой «общее место», дань традиции, нежели представляют серьезный анализ. Исследование наработок античных авторов открывает для читателей пути к изучению проблем работы сознания, общей концепции времени, а также создает почву для анализа широкого спектра гносеологических проблем. В этой связи предпринятая в данной статье реконструкция важнейших в античности авторских концепций памяти имеет целью не только объяснить значение фразеологизмов, типа «припасть к источнику», но и продемонстрировать значение древних концепций для современного понимания феномена, в частности, понимания памяти как специфической характеристики личности. Авторы данной статьи исходят из тезиса, что древнегреческие мыслители видели в памяти основное свойство, отличающее человека от других существ.

Ключевые слова: память, познание, хранилище информации, забвение, чувственные образы, прошлое, рассудочная деятельность.

Для цитирования: Бабаева А.В., Макарова А.О., Шмелева Н.В. Проблематика памяти в философской традиции Античности. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(4 (61)):128–137.

The problems of memory in the philosophical tradition of Antiquity

Babaeva A.V., Makarova A.O., Shmeleva N.V.

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
603005, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problem of actualization of the phenomenon of memory in the tradition of Ancient thought. Despite the

genuine interest in the politics and techniques of memory, recollection and oblivion at the end of the twentieth century, the ancient tradition of interpreting the concept of "memory" rarely becomes an independent subject of detailed consideration by researchers. Modern authors from various fields of knowledge often mention Aristotle as the originator of the concept of memory, but such references are rather a "common place", a tribute to tradition, rather than a serious analysis. The study of the achievements of ancient authors opens the way for readers to study the problems of the work of consciousness, the general concept of time, and also creates the ground for the analysis of a wide range of epistemological problems. In this regard, the reconstruction undertaken in this article of the author's most important concepts of memory in antiquity aims not only to explain the meaning of phraseological units, such as "to fall to the source", but also to demonstrate the importance of ancient concepts for the modern understanding of the phenomenon, in particular, the understanding of memory as a specific characteristic of personality. The authors of this article proceed from the thesis that ancient Greek thinkers saw in memory the main property that distinguishes a person from other beings.

Keywords: memory, cognition, information storage, oblivion, sensory images, the past, intellectual activity.

For citation: Babaeva A.V., Makarova A.O., Shmeleva N.V. The problems of memory in the philosophical tradition of Antiquity. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(4 (61)): 128–137 (In Russ.)

Введение

Философский словарь терминов определяет память как «способность к воспроизведению прошлого опыта, одно из основных свойств нервной системы, выражающееся в способности длительно хранить информацию о событиях внешнего мира и реакциях организма и многократно вводить её в сферу сознания и поведения» [1]. Словарь указывает, что память необходимо понимать как ключевое свойство психики, интегрирующее прошлые состояния в актуальный опыт. Осуществляемая посредством этого связь между прошлыми, настоящими и будущими психическими состояниями обеспечивает устойчивость существования индивидуального бытия, а также является гарантией в решении проблем личностной идентичности. Современная гуманитаристика содержание понятия «память» в первую очередь соотносит с психическим свойством, позволяющим индивиду посредством аккумуляции и актуализации информации адаптиро-

ваться к вызовам внешней среды, адекватно реагировать на собственные психосоматические состояния и процессы, а это уже не только память сознания, но и память тела. Можно говорить о культурной [2], коллективной [3], исторической [4] и иных видах памяти, благодаря чему анализируемый феномен стал эвристическим инструментом познания как бытия отдельной личности, так и общества в целом.

Методы

Методологический потенциал феномена «память», обнаруженный в современности, сподвигает обращаться к истокам традиции мысли, где создавались условия для формирования понятия и определялись его базовые характеристики. В силу этого предметным полем данной статьи является актуализация темы памяти в Античности, объектом – наследие крупнейших греческих мыслителей – Платона и Аристотеля в отношении указанной проблематики. Третьей фигурой выступает Плотин, который в свое время

предпринял попытку формирования концептуальных критических замечаний в сторону Платона и Аристотеля, однако не разработал собственной целостной системы взглядов на предмет.

Результаты обсуждения

Отправной точкой разработки развернутой концепции памяти как фундаментального интеллектуального и психического свойства является творчество Аристотеля, хотя интерес к изучению самого феномена возник у древних греков и до Стагирита. В частности, уже в 400 г. до н.э. в *Dialexeis* имелся раздел, посвященный памяти как «прекрасному изобретению», которое способствует работе ума и постижению вещей, здесь же давались советы, каким образом увеличивать продуктивность запоминания [5]. До Аристотеля чаще всего тема разворачивалась в двух плоскостях: память соотносилась либо с полнотой знания – гносеологический подход (Платон), либо с механикой удержания в сознании и практикой воспроизведения определенных объемов информации (поэт Симонид Кеосский, софисты). В отношении первого подхода, у Платона в *Федре*, находим упоминание «божественной» памяти, которой душа человека обладает благодаря соприкосновению с трансцендентным в то время, когда «свысока она (душа) глядела на то, что мы теперь называем бытием и поднималась до подлинного бытия» [6, с.158]. Память видится философу основой, позволяющей рассудку сводить чувственное воедино. В этом же диалоге Платон говорит и об «искусной» памяти – основе искусства убеждения, которым пользуются софисты. Мнемотехники, базирующиеся на заучивании и этимологии, по мнению Платона, не имеют ничего общего с истинным познанием, поскольку работают только со словами, но не с сущностями. В диалоге Сократ повествует об авторе многих изобретений, в том числе и искусства

письма Тевте, который, придя к египетскому царю Тамусу, предложил распространить данное искусство среди египтян, чтобы сделать их «более мудрыми и памятьливыми». Однако Тамус увидел в изобретении обратное значение: «В души научившихся они (*письмена*) вселят забывчивость...: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою...ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость...они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [6, с. 187]. Платон подразумевает легендарную способность древних египтян передавать эзотерические знания в устной форме, тем самым критикуя мнемотехники, базирующиеся на механическом заучивании получаемой в готовом виде информации.

У Платона в диалоге «Филеб» излагается тезис, согласно которому память есть «сохранение ощущений» [7, с.35], еще образнее философ описывает это в диалоге «Теэтет», прибегая к метафоре восковой таблички, на которой опыт оставляет следы: «...в наших душах есть восковая дощечка; у кого-то она побольше, у кого-то поменьше, у одного – из более чистого воска, у другого – из более грязного или у некоторых он более жесткий ... это дар матери Муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нем оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем» [6, с.251-252]. Тем самым у Платона память (элемент триады: ум, знания и память) предстает одновременно и в качестве хранилища информации, и коррелятом самого знания, вернее

его полноты. Полнота работы человеческой памяти определяет владение истинным мнением. Платон говорит, что души человеческие – это своего рода книги, где внутреннее индивидуальное «я» выступает в роли писца, фиксирующего впечатление. В случае, если слепок впечатления в душе был сделан верно, можно говорить о получении истинного мнения, ошибка при фиксации информации грозит искажением истины: «И когда ... впечатление записывает правильно, то от этого у нас получаются истинное мнение и истинные речи; когда же этот наш писец сделает ложную запись, получают речи, противоположные истине» [7, с. 42].

В свете античных представлений, память выступает синонимом истины – понятия, которому должно противопоставляться не ложь, а забвение. А поскольку у Платона познание сводится к припоминанию (в диалоге «Пир») [6], т.е. актуализации знаний из мира идей – неизменного и вечного, постольку сам процесс познания представляет собой движение души, которая, находясь в теле, припоминает благодаря телесным стимулам – ощущениям. Истинные суждения формируются при условии совпадения ощущений с прототипами чувственных объектов – идеями. Платон выводит эту мысль, вводя категорию тождества: познающий обнаруживает тождественное в созерцаемых вещах благодаря идее тождества, хранимой в памяти. В результате истинное познание есть нахождение соответствия чувственных образов той форме печати, которая должна храниться в памяти. Таким образом, у Платона память – не генерирование нового, а актуализация имеющегося знания, иными словами восстановление в сознании (душе) того, что созерцалось ранее, в мире идей, прежде чем душа погрузилась в забвение, получив тело в земном существовании [8]. Подобно-

го рода припоминания у Платона вовсе не обращены в прошлое и находятся как бы вне темпорального измерения.

Описанный срез темы памяти в понимании Платона должен объясняться не только в свете его теории мира идей, но и с опорой на культурный контекст, в котором жил философ. В этой связи нельзя обойти стороной фигуру Мнемозины (Мнемосины), совершенно не случайно возникшей в реплике Сократа. Мнемозина – это образ персонифицированной памяти, обладающей всеведением. В сонме античных богов титанида Мнемозина, сестра Кроноса и Океана, мать муз, по мнению возносивших ей молитвы, способна была, держа «соединенным... весь ум человека», множить «великую силу благу рассудка» [9]. В орфических гимнах, а также у Гесиода в «Теогонии» содержатся упоминания о Мнемозине, которая не просто знает все, что было и будет [10], но и дарует человеку саму способность рассуждать; а поскольку эта богиня, согласно античной мифологии, определила порядок названий для всего сущего, она способна даровать правильный, грамотный ход мысли, а следовательно – и механизм формирования новых понятий (названий). В этой связи «знать» – значит «помнить», а истинные знания (мнения), следовательно, выстраиваются из хранящейся в памяти информации, причем выстраивающейся определенным, упорядоченным образом. Стирание в памяти отдельных элементов приводит к формированию «неистинных мнений»; как видим, они возникают не по причине введения в заблуждение, сознательной мистификации, ложные суждения в данном случае появляются вследствие забвения. Наглядной мифологической иллюстрацией здесь может служить упоминание в «Описании Эллады» Павсания [11, IX 39, 8] двух источников, находящихся рядом: источник Леты (Забвения) и источник Мнемозины (Памяти). Вопрошающие

к богам должны были пить из первого источника, а получившие ответ – из второго, собственно отсюда пошло выражение «пить из источника знаний», которое означает припасть к источнику Памяти.

Способные пользоваться дарами Памяти – согласно Гесиоду [10], в полном объеме исключительно поэты – им благодаря музам открывается видение первоначальной реальности, первопричин мироздания и истории человечества. Воспоминание, таким образом, оказывается не размещением событий по временной оси, а достижением основ сущего, созерцанием становления бытия, и в таком случае прошлое является провозвестником настоящего и будущего, их источником. При этом неважно, о каком уровне процессов идет речь: о событиях космического характера или уровне человеческой истории. Древним грекам было известно 2 вида памяти: «1) первая – та, которая сохраняет первозданные события (космогония, теология, генеалогия); 2) вторая сохраняет предшествующие существования, то есть события исторические и произошедшие в жизни отдельной личности» [12, с.126]. Иными словами, в образе Мнемозины для древних греков сходились и сверхличная память, хранящая представления о структурах реальности, и коллективная память, или традиция конкретного культурного организма, базирующаяся на накопленном опыте поколений. У Платона внимание сосредоточено на первом виде памяти, а ее утрата трактуется как процесс вполне естественный и неизбежный при облачении души в тело, однако суть духовной работы – возвращения души к истокам – составляет смысл индивидуального существования.

Несмотря на то, что Платон зафиксировал значимость памяти для духовного индивидуального роста и рассудочной деятельности, тем не менее в его творчестве идеи сопряжения па-

мяти и времени, а также творческого потенциала воспоминания в процессе познания не получили развития, однако оказались востребованными Аристотелем, известным как автор первой развернутой концепции памяти. В своей работе «О памяти и воспоминании» Аристотель пишет: «память не является ни самым чувственным восприятием, ни мыслью, но является обладанием или претерпеванием чего-то из этого по прошествии времени. А помнить о настоящем моменте в настоящий момент невозможно..., но возможно чувственно воспринимать непосредственно данное, а на будущее возможно надеяться, помнить же – значит помнить о прошлом. Поэтому любая память связана со временем. Так что лишь те живые существа, которые воспринимают время, способны помнить, причем осуществляют эту способность с помощью того же, с помощью чего они воспринимают время» [13, с. 140]. Таким образом, память в концепции древнегреческого философа оказывается мыслительной способностью, связанной со временем и разворачивающейся во времени, а ее предметом определяется исключительно прошлое, вернее, представления, которые формируются в сознании индивида вследствие знакомства с вещами, произошедшего в прошлом. Поскольку же мышление, полагает Аристотель, покоится на воображении и представлении, более того, сама способность к запоминанию во многом определяется воображением, это обстоятельство делает предметом памяти не только чувственно воспринимаемые вещи, но и умопостигаемые. Воображение имеет в качестве материала то, что доставляется чувствами, обрабатывает, оформляет это в образы и поставляет мышлению. Образы, собранные восприятием и обработанные воображением, подобны рисункам, за сохранность которых и отвечает память.

Из всех живых существ только за человеком Аристотель определяет умение оперировать категорией времени, что, с одной стороны, определяет человеческую способность к генерированию нового знания, с другой – способность осуществлять движение к основанию мыслительных цепочек – составлять воспоминание. Последнее философ именуется «подобием исследования»: «припоминая выстраивает умозаключение, потому что он раньше нечто узнал, услышал или пережил... А такое от природы дано только тем, у кого есть способное принимать решение начало...» [13, с. 151]. Воспоминание нельзя, по мнению Стагирита, понимать возвращением к более ранним воспоминаниям или первичному узнаванию вещи – вспомнить можно только то, что было завершено, пережито и обработано сознанием, таким образом, воспоминание есть возвращение к приобретенному ранее знанию, иначе восстановление последовательности действий (движений). Движение же существует во времени, где последнее фактически и есть «число движения в отношении к предыдущему и последующему» [14]. Таким образом, воспоминание представляет собой продукт предшествующего опыта и одновременно условие последующего.

Припоминание следует рассматривать как усилие, направленное на поиск нужного образа среди всего имеющегося объема информации. Философ предлагает два принципа работы по припоминанию. Первый можно было бы назвать принципом ассоциации, автор трактата не употребляет данного термина, но фактически описывает его действие: обнаружение искомого необходимо начинать с подобного, тесно связанного, или противоположного – закон ассоциации: подобное, неподобное, смежное. Механизм припоминания Аристотель представляет следующим образом: прослеживание

цепи последовательных умозаключений и движений от конца к началу, иначе восстановление последовательности впечатлений/событий. Это прослеживание, обнаружение определенного порядка составляют содержание второго принципа – недаром в трактате возникают аналогии с алфавитом и его четкой последовательностью букв или системной организацией природы. Мыслитель отмечает, что скорость означенных процессов можно увеличивать, упражняясь в выдерживании упорядоченной последовательности процедур обработки полученной информации. Однако объем информации может зависеть и от особенностей человека, в том числе и возрастных, так «малолетние и старики слабы памятью: одни находятся в потоке становления, другие – в потоке исчезновения» [13, с. 142]. Первые «из-за роста» имеют непомерно подвижное, текучее сознание, где не фиксируются «отпечатки перстней»; вторые «из-за разрушения» оказываются не способными воспринимать воздействие: у одних представления в душе не задерживаются, а у других – не появляются.

В трактате используется метафора точки отсчета, когда Аристотель упоминает «правило места»: «...иногда припоминают по месту...очень быстро от одного переходят к другому, например, от молока к белому, от белого к воздуху, а от него к влажному, после чего к тому, кто забыл, приходит воспоминание о поздней осени, если он пытался вспомнить именно это время года» [13, с. 147]. По всей вероятности, это отсылка к древнему правилу, которое неоднократно описывалось в учебниках по риторике, когда ученикам предлагалось в воображении воссоздать некое определенным образом организованное пространство, например, архитектурное сооружение, в котором по личному усмотрению запоминаящий «размещал» в определенном порядке вещи, которые в последствии виртуально «со-

бирал» в речи. Древние риторы и поэты трактовали память как пространство, где ничто не скрыто и упорядочено с помощью времени, вот почему мнемотехника базировалась на тщательном последовательном умозрительном размещении предметов и на столь же четком соблюдении порядка их соби- рания. Таким образом, запоминаящий организовывал себе вместительное ар- хитектурное место (топик), которое не менялось, было стационарным, в от- личие от субъекта, который мог осва- ивать его по своему усмотрению, дви- гаясь в любом направлении, принимая за точку отсчета то место, которое ему удобно. К примеру, в ряду ABCD можно двигаться от А к D и обратно, но можно начинать движение от В.

Отдельно философ подчеркива- ет, что «воспоминание есть некое те- лесное претерпевание и поиск в нем образа» [13, с. 151]. Воспоминание, по Аристотелю, вообще следует трактовать как движение, причем совершаю- щееся без внешнего воздействия, тем самым воспоминание отличается от созерцания. В свете этого тезиса стано- вится понятным, почему Аристотель, описывая феномен памяти, не ограни- чивается исключительно логическими операциями – совершенно случайно используется им слово «движение» (действие), которое при характери- стике процессов воспоминания выступает в двух контекстах: движение мысли и движение тела. Память оперирует образами, где логическое органично переплетается с чувственно-эмоци- ональными моментами и не проти- востоит, а скорее надстраивается над материальным. Доказывая наличие в памяти чувственного, материаль- ного субстрата, Аристотель в трактате «О памяти и воспоминании» прибега- ет к метафорическому описанию мук забвения: «некоторых тяготит, когда они не могут вспомнить» [13, с. 151]. Это психосоматическое состояние тя- жести, дискомфорта, которое обычно

возникает в период размышления, т.е. непосредственной мыслительной ре- конструкции смыслового ряда. Одна- ко философ подчеркивает, что данное чувство не покидает человека и в тот момент, когда сознание не сосредото- чено непосредственно на воспомина- ния, при этом сам процесс уже запущен, т.е. протекает как бы бессознательно. Степень тяжести и глубина погружения в стояние дискомфорта, считает фило- соф, зависит от темперамента и типа нервной системы индивида, поэтому острее эти состояния (тяжесть забве- ния) должны переживать, по мнению Аристотеля, меланхолики.

Общими для обоих мыслителей Ан- тичности оказывается тезис, соглас- но которому память – это хранили- ще информации, а также инструмент работы с контентом, память отлична от процесса припоминания, которые напрямую соотносятся с познаватель- ной способностью. Однако Аристотель в исследовании феномена продвинул- ся значительно дальше Платона. Его ключевыми открытиями оказываются следующие моменты: 1) память свя- зывается не только с духовно-душев- ными силами, но и с телесной орга- низацией человека, поэтому память оперирует образами, а не понятиями; 2) память – это операция, представля- ющая ретроспекцию, обратное движе- ние по ходу собственной мысли к ее истокам и наблюдение/самонаблюде- ние над механизмами формирования понятий, суждений, умозаключений и логикой принятия решений; 3) со- держанием памяти является прошлое, однако вместе с «прежде» в потоке вос- поминаний существует и «после». Тем самым в концепции Аристотеля уже просматриваются те основания, ко- торые позволяют психологам в XX веке трактовать память в качестве «сквоз- ного психического процесса» [15, с. 11], организующего и интегрирующего в структуре субъекта познание, эмоции и волю, иными словами память – это

то, что организует единство и целостность психики.

Однако несмотря на столь значимые открытия Аристотель уже в древности стал подвергаться критике [16]. Так, в частности, Плотин не принял позицию Аристотеля (и Платона) о пассивности души в процессе познания мира, где память лишь вместилище оттисков вещей. В своем трактате «О чувственном восприятии и памяти» Плотин задается двумя вопросами: «действительно ли ощущения основаны на неких образах, запечатленных в душе, и в том ли назначение и смысл памяти, что она эти образы как-то удерживает?» [17, с. 117-118]. Плотин полагает, что, если бы душа в памяти хранила оттиски изначальных знаний, ей не было никакой нужды предаваться созерцаниям внешних предметов, и «получая образы из самой себя, могла бы рассуждать, о чем угодно, только не об их размерах, поскольку образы лишены таковых» [17]. Это первый аргумент в противовес предшествующих мыслителей. Суть второго аргумента заключалась в следующем: при наблюдении всегда необходим объект наблюдения и тот, кто наблюдает – субъект, т.е. действующее начало, «актуально реализующее свои потенции». Для того, чтобы субъект мог выносить суждения, он должен различать слышимые и видимые вещи, которые должны быть его впечатлениями, не аффектами, а именно продуктами его деятельности, подчеркивает Плотин: «душа своей энергией воздействует на окружающие ее предметы, но никак не наоборот» [17, с. 119-120]. Память поэтому тоже не может трактоваться простым вместилищем оттисков, поскольку образы, полученные в процессе созерцания, подвергаются постоянной переработке, ведь запоминается лучше то, что тщательно пере-

рабатывается и периодически актуализируется, т.е. с чем идет длительная кропотливая в сознании работа. Кроме того, отмечает Плотин, работа памяти видна при актуализации знания, когда в момент мыслительной активности субъект получает «массу других сведений» о предмете познания, не связанных с первоначальным запросом сознания.

Выводы

Итак, в древнегреческой традиции рассмотрение феномена памяти оставалось на уровне индивида, или вернее сказать, свойства сознания человека (не культурный, социально-политический, а сугубо антропологический феномен), причем трактовка памяти встраивалась в общую концепцию познания. Оценивая первоначально память как вместилище информации, мыслители постепенно начинали интерпретировать ее в качестве определенного свойства души (сознания), отдельный акт которой, воспоминание, расценивалось как действие, нацеленное на освоение мира и конструирование понятий, т.е., говоря современным языком, полагание себя в качестве субъекта не только в наличном бытии, но и в вечности. От греческих философов (Аристотеля) исходит традиция увязывать содержание памяти с прошлым, на основе содержания которого моделируется настоящее и будущее. Именно это открытие позволило современности оценивать память как сквозное свойство личности – свойство, определяющее принцип протраивания личностной идентичности, а экстраполяция подобных идей на социальный уровень позволяет коллективному субъекту формулировать политики социально и культурной идентичности.

Список литературы / References

1. Философский энциклопедический словарь – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/340/pamyat.htm> (Дата обращения: 12.11.2023)
Philosophical Encyclopedic Dictionary – Access mode: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/340/pamyat.htm> (In Russ.)
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
Assman Ya. (2004). Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture, 368 p. (In Russ.)
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16-50.
Halbvaks M. (2005). Collective and historical memory. Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe. Moscow: New Literary Review, pp. 16-50. (In Russ.)
4. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1999, С. 17-50.
Nora P. (1999). Problematics of places of memory. France-memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, pp. 17-50. (In Russ.)
5. Йейтс Ф. Искусство памяти. – СПб. Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 480с.
Yates F. (1997). The Art of Memory. St. Petersburg: Foundation for the Support of Science and Education «University Book», 480 p. (In Russ.)
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.2. – М.: Мысль, 1993. 528с.
Plato. (1993). Collected works in 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 528p. (In Russ.)
7. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. – М.: Мысль, 1994. 654с.
Plato. (1994). Collected works in 4 vols. 3. Moscow: Thought, 654p. (In Russ.)
8. Платон. Государство. – М.: Академический проект, 2015. 398 с.
Plato. (2015). State. Moscow: Academic Project, 398 p. (In Russ.)
9. LXXVII. Мнемосине // Орфические гимны. Режим доступа: <https://ancient-mythology.ru/orficheskie-gimny/> (Дата обращения: 12.11.2023)
LXXVII. Mnemosyne. Orphic hymns. Access mode: <https://ancient-mythology.ru/orficheskie-gimny/>
10. Гесиод. Теогония // Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – 256 с. 32-38
Hesiod. (2001). Theogony. Complete collection of texts. Moscow: Labyrinth, 256 p. (In Russ.)
11. Павсаний. Описание Эллады. – СПб.: Алетейя, 1996.
Pausanias. (1996). Description of Hellas. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
12. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.
Eliade, M. (2010). Aspects of myth. Moscow: Academic Project, 251 p. (In Russ.)
13. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 183 с.
Aristotle. (2004). Protreptik. About sensory perception. About memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 183 p. (In Russ.)
14. Аристотель. Физика. – М.: Азбука. 2023. 320 с.
Aristotle. (2023). Physics. Moscow: ABC, 320 p. (In Russ.)
15. Боднар А. М. Психология памяти: курс лекций: [учеб. пособие] /М-во образования и науки рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2014. 100с.
Bodnar A.M. (2014). Psychology of memory: a course of lectures: [studies. manual]. The Ministry of Education and Science grew. Federation, Ural.feder. un-T. Yekaterinburg: Ural Publishing House. unta, 100 p. (In Russ.)
16. Сорокина М.П. Учитель и ученик в античной педагогике: диалектика любви и смерти. *Вестник Мининского университета*. 2022;(10(3)):19.

Sorokina M.P. Teacher and student in ancient pedagogy: the dialectic of love and death. *Vestnik of Minin University*. 2022;(10(3)):19. (In Russ.)

17. Плотин. О чувственном восприятии и памяти // Эннеады (II). – Киев: «УЦИММ-ПРЕСС» – «ИСА», 1996. 240 с.

Plotinus. (1996). About sensory perception and memory. *Enneads (II)*. Kiev: «UCIMM-PRESS» – «ISA», 240 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Бабаева Анастасия Валентиновна, канд. филос. наук, доцент, декан факультета гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Author ID: 57205662536, ORCID ID: 0000-0002-0676-6336, e-mail: dff1890@yandex.ru.

Макарова Александра Олеговна, преподаватель кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), ORCID ID: 0009-0007-0639-920X, e-mail: schatten2014@mail.ru

Шмелева Наталья Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Author ID: 57190966392, ORCID ID: 0000-0001-8822-7629, email: shmelevanv@mail.ru.

Information about authors

Babaeva Anastasia Valentinovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Author ID: 57205662536, ORCID ID: 0000-0002-0676-6336, Researcher ID: V-6764-2018, e-mail: dff1890@yandex.ru.

Makarova Alexandra Olegovna, Assistant of Department of Philosophy and Theology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Minin University), ORCID ID: 0009-0007-0639-920X, e-mail: schatten2014@mail.ru

Shmeleva Natalya Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Author ID: 57190966392? ORCID ID: 0000-0001-8822-7629, e-mail: shmelevanv@mail.ru.

Поступила в редакцию 28.11.2023; поступила после доработки 8.12.2023; принята к публикации 13.12.2023

Received 28.11.2023; Revised 8.12.2023; Accepted 13.12.2023